⟨...⟩Мертвецам твоим, толпами
Вставшим с хладного одра,
Не угнаться вслед за нами,
Как езда их ни скора.

Поезд наш не оробеет,
Как ни пой себе петух;
Мчится – утра ль блеск алеет,
Мчится – блеск ли дня потух.

В этой гонке, в этой скачке –
Все вперед, и все спеша –
Мысль кружится, ум в горячке,
Задыхается душа.

Приключись хоть смерть дорогой,
Умирай, а все лети!
Не дадут душе убогой
С покаяньем отойти.

⟨...⟩ Увлеченному потоком
Страшен этот, в тьме ночной,
Поединок с темным роком,
С неизбежною грозой [13, с. 309–311]...

Стихотворение Вяземского, так же как и пьеса Тютчева, относится к ряду популярных в романтическую эпоху "*дорожных дум*", точнее – к их "ночному" варианту, чаще всего реализуемому в балладном жанре (наиболее яркий пример – "Бесы" Пушкина). Эта балладная основа, прямо названная Вяземским, в стихотворении Тютчева спрятана в подтекст.

"Дальний путь торопит *нас*", "нет теперь уж нас" – говорится у Тютчева. Это личное местоимение множественного числа, дважды вынесенное в "сильную", рифменную позицию, при "буквальном" ("реалистическом") прочтении как будто указывает на лирического героя и его попутчиков (ср. собирательный образ пассажиров поезда, среди которых и сам "автор", в стихотворении Вяземского: "*Нас* уносит беспрерывно Сквозь ущелья и леса..."). Однако *балладный подтекст* тютчевского стихотворения позволяет более точно определить символический смысл этого местоимения[2], равно как и смысл обращений-призывов героя ко "второму лицу" ("*не унывай*, "*не вспоминай*"). В "Людмиле" жених-мертвец торопит невесту: "Миг нам страшен промедленья"; он постоянно обращается к ней с вопросами: "Слышишь?", "Видишь?" (еще заметнее сходство "призывов" тютчевского героя с "Ленорой" Жуковского 1831 г.: здесь мертвец призывает героиню: "сойди ко мне", "не медли", "поедем!"; ср. также финальное поучение в этой балладе: "*Терпи, терпи*, хоть ноет грудь!"). Можно сказать, что стихотворение "Грустный вид..." не только вышито по канве "Людмилы", но и *строится* как *балладный диалог*, в котором принимают участие "*страдающий*" ("грустный вид", "ах, и в этот самый час...") и "утешающий" ("не унывай", "не вспоминай") "голоса". Настоящий диалог может быть истолкован как разговор лирического героя с самим собой или со своей душою (подобный мистический дуэт оправдан тем же балладным – здесь: "спиритическим" – подтекстом[3]).

Таким образом излюбленный тютчевский принцип "двуголосия" получает в этом стихотворении своеобразную жанровую мотивацию. "Партия" второго "голоса" выделена здесь грамматически, ритмико-синтаксически и графически (см. выше). *Итоговое* слово принадлежит именно этому "голосу": необходимо отказаться от воспоминаний о "чудном крае".

Последний в стихотворении Тютчева назван географически точно – *Леман*. Это собственное имя (единственное из десяти существительных стихотворения "Грустный вид..." не имеющее соответствия в "Людмиле"!) *также отсылает нас к теме Жуковского*, точнее – к известному "*озёрному мифу*", созданному несколькими поколениями европейских романтиков и канонизированному в русской романтической традиции именно Жуковским. Об отношении Тютчева к этому мифу свидетельствуют его письма к жене, написанные осенью 1859 г. и составляющие биографический подтекст нашего стихотворения.

ЧУДНЫЙ КРАЙ

Тютчев приехал в маленький курортный городок Вёве, находящийся на берегу Женевского озера, в сентябре 1859 г. В письмах к Э.Ф. Тютчевой он рассказывает об удивительной красоте этого места, "о приятном и изысканном обществе", в которое он попал ("малый двор" императрицы Александры Федоровны), и постоянно сетует на то, что вынужден будет скоро уехать из этого райского уголка на "нелюбезную" и холодную родину (см. [15, с. 132–133]). Примечательно, что Вёве он воспринимает как место не только живописное и благодатное, но и культурно освоенное,

[2] Совершенно очевидно, что это личное местоимение отлично здесь от обычного в стихотворениях Тютчева риторического "нас" (ср. "и жизнь, как камней груда, // Лежит на нас"; или: "И в полном блеске проявлений // Вдруг нас охватит мир дневной").

[3] "Людмила", как замечает современный исследователь, – текст, инициировавший в русской поэзии "спиритическую" тему [4, с. 86]).